

Константин Николаевич Леонтьев

**Средний европеец как
идеал и орудие
всемирного разрушения**

Константин Николаевич Леонтьев

Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177264

Константин Леонтьев. Византизм и славянство: АСТ, АСТ Москва,

Хранитель; Москва; 2007

ISBN 5-17-040449-2, 5-9713-4001-8, 5-9762-1600-5

Аннотация

Константин Николаевич Леонтьев начинал как писатель, публицист и литературный критик, однако наибольшую известность получил как самый яркий представитель позднеславянофильской философской школы – и оставивший после себя наследие, которое и сейчас представляет ценность как одна и интереснейших страниц «традиционно русской» консервативной философии.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Константин Леонтьев

Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения

<Начало отсутствует.>

[Теперь посмотрим, не подтвердит ли наше мнение сама Европа устами самых знаменитых своих писателей.]

Все эти писатели на *разные лады* подтверждают наше мнение; все согласны в том, что *Европа смешивается* в действительности и *упрощается* в идеале. Разница в том, что иные почти довольны той степенью смешения и упрощения, на которой находилась или находится в их время Европа; другие находят, что смешение еще очень недостаточно, и хотят крайнего однообразия, думая в этом оцепенении обрести блаженство; а третьи негодуют и жалуются на это движение.

К первым относятся более или менее все люди умеренно либеральные и умеренно прогрессивные. Иные из них не прочь от крайнего упрощения, но боятся бунтов и крови и потому желают, чтобы равенство *быта* и *ума* пришло постепенно.

Таков, например, Bastiat в своих «Harmonies

économiques»¹.

Его книга дорога именно тем, что она пошла и доступна всякому. Он говорит: «Мы не сомневаемся, что человечество придет ко всеобщему одинаковому уровню: материальному, нравственному и умственному», — и очень, по-видимому, рад этому; желает только постепенности в этом упрощении и формы его не предлагает.

Таков Абу в своей книге «Le progrès»².

В ней вы найдете тоже очень ясное расположение ко всеобщему однообразию. В одном месте он смеется над провинциальным собственником, который робеет в присутствии префекта, забывая, что префект одет хорошо и живет хорошо на *подати, платимые этим собственником*; смеется над матерями, которые хотят одеть сыновей своих в *мундиры*, вместо того чтобы учить их торговать или хозяйничать... (И мы готовы смеяться над мундирами, но не за то, что ими поддерживается хоть какое-нибудь отличие в нравах и быте, а за то, что они *пластически безобразны* и европейски опошлены.) В другом месте Абу говорит: «Конечно, *храбрый генерал, искусный дипломат* (*un diplomate malicieux*) и т. п. полезны, но они полезны для мира *в том виде, в каком он есть теперь*, а придет время, в которое они не будут нужны». Вот и еще *две-три формы* людского развития, человеческого разнообразия, психического обособления индивидуумов и

¹ «Экономические гармонии» (фр.).

² «Прогресс» (фр.).

наций уничтожаются. Не позволены уже более ни Бисмарки, ни Талейраны, ни Ришелье, ни Фридрихи и Наполеоны... Царей, конечно, нет и подавно. Про духовенство Абу прямо в этом месте не говорит, но он во многих других местах своей книги отзывается или с небрежностью, или даже с ненавистью о людях верующих. «Пускай себе кто хочет ходит в синагогу, кто хочет в протестантскую церковь и т. д.» Подразумевается: «Это не страшно; с этим прогресс справится легко!»

Кто же ему нужен?

Ему для прогресса нужны: *агрономы* (смотри дальше об излишней обработке земного шара, у Дж. Ст. Милля и Рилля), *профессора, фабриканты, работники, механики* и, наконец, *художники и поэты*... Прекрасно; понятно, что механик, агроном, ученый могут как сыр в масле кататься, обращая пышный шар земной в одну скучную и шумную мастерскую... Но что делать *поэту и художнику* в этой мастерской?.. Они и без того задыхаются больше и больше в современности. Не лучше ли сказать прямо, что и они вовсе не нужны, что без этой роскоши человечество может благополучно прозябать. Есть люди, которые и решались так говорить; но не таков Абу. Любопытно бы проследить, *о чем именно* писали все современные поэты и романисты и какие сюжеты выбирали живописцы нашего времени для своих картин. Такого рода исследование о писателях XIX века покажет нам, что лучшие из них, если и брали сюжетами сво-

ими *современную жизнь*, то лишь потому, что в ней много еще было остатков от прежней Европы и что то плоское, по-вальное, буржуазное просвещение, о котором заботится Абу, даже и для землепашца и работника еще в действительности не существовало и не существует. Во всех романах найдем интересные, завлекательные встречи и столкновения людей *различного* воспитания, *противоположных* убеждений, разнообразной психической выработки, крайне *различного* положения в обществе, людей с *несходными* сословными *преданиями* (и иногда и правами; например, в тех сочинениях, в которых изображается время Реставрации, *пэрства* и т. п.). Посмотрите романы Санд: «Индиана», «Валентина», «Мопра́», «Жак», «Жанна» и другие, и вы убедитесь, что на каждом шагу остатки социального неравенства, религия, простота и грубая наивность сельского быта и изящные потребности людей, имеющих при имени своем частицу *де*, дают пищу ее таланту. Даже война, о которой, собственно, она мало писала, соприсутствует, так сказать, органически каждому ее сюжету. Так, например, полковник Дельмар, муж Индианы, был бы, вероятно, несколько иного характера, *если бы он не был полковник*. Мопра́ из семьи феодальных разбойников, и весь роман наполнен сценами опасности и битв. Герой уезжает с Лафайетом на войну за независимость Америки и т. п. В кротком пастушеском романе «La petite Fadette»³ вы встречаете такую фразу в устах крестьянина: «*les belles*

³ «Маленькая Фадетта» (*фр.*).

guerres de l'empereur Napoléon»⁴. Сверх того, в этом сельском романе и в других сходных с ним мы встречаемся с другими наследиями разнообразного и сложного прошедшего Европы – с религией, с уважением к церковному браку и христианской семьей и, с другой стороны, с чрезвычайно грациозными и милыми полуязыческими верованиями в колдунов, ведьм, в так называемых «farfadets»⁵ и т. п. Во всех романах, одним словом, больше или меньше опасностей физических, борьба с сословными и гражданскими препятствиями, встреча и любовь героев, принадлежащих к совершенно различным классам и кругам общества (князь Кароль и дочь рыбака Лукреция; графиня Валентина и сын крестьянина Бенедикт; философски *образованная* аристократка XVIII века Эдмея и *дикий* юноша Мопра; верующая крестьянка Жанна и молодые люди высшего круга – англичанин и два француза, которые за нее спорят и т. д.); антитезы богатства и бедности, суеверий и философского ума, церковной христианской поэзии и поэзии сладострастия... К тому же прибавим и национальные антитезы: англичане, немцы и итальянцы играют в творениях Санда немалую роль, и она всегда прекрасно обозначает у этих иноземных героев те черты их, которые развились в них лично или наследственно под впечатлениями прежней, более обособленной нациями и областями, более сложной и разнообразной Европы.

⁴ «Прекрасные войны императора Наполеона» (фр.).

⁵ Гномы (фр.).

То же самое, более или менее, мы найдем у Alf. de Musset, у Бальзака, у английских писателей, например, у Диккенса.

Если бы в романе «Копперфильд» не был замешан энергический, блестящий и благородный, несмотря на свои пороки, *Стирфорт*, если бы не было его гордой и несчастной матери, если бы не было, одним словом, аристократического элемента, – выиграл роман или проиграл бы?.. Я думаю, что много проиграл бы. Беранже вдохновлялся *военной славой* республики и 1-й империи. Шатобриан – *религией* и томительной *романтической тоской разочарования*, до которого агрономам и фабрикантам не должно быть и дела. Ламартин, которого, вместе с живописцем Ingres, Абу считает для своего прогресса столько же необходимым, сколько лучшего химика и механика, вдохновлялся подобно Шатобриану церковной поэзией, верой и аристократический дух в нем силен; такой поэт прогрессистами должен бы считаться или вредным, если он влиятелен, или ничтожным и презренным. На что же он и ему подобные господину Абу?

Абу в одном месте очень жалуется на грубость французских крестьян; описывает, как мужик бьет крепко ломовую лошадь свою; как молодые крестьяне грубо ухаживают за девушками... Он желает, чтобы прогресс сделал их поскорее похожими на него самого, буржуазного наследника прежней барской любезности. Об этом у него целый (немного хамовато-любезный) разговор с дамой. Крестьяне кое-где во Франции, конечно, еще грубы и наивны; еще более их, разумеет-

ся, были грубы и наивны южноитальянские рыбаки в начале этого века. Однако в среде этих рыбаков Ламартин встретил свою «Грациеллу», изображение которой считается одним из лучших созданий его.

Что касается до живописца *Ingres* и до других художников XIX века, то и они вдохновлялись не буржуазным вечером или обедом, на котором Абу любезничал бы о прогрессе с какой-нибудь мещанкой нашего времени, но всё такими явлениями жизни, которые *без разнообразия убеждений, быта и характеров* немислимы. Один изображал чудесный переход евреев через Красное море; другой – *борьбу* гуннов с римлянами; третий – сцены из *войн* консульства и империи; четвертый – сцены из *ветхозаветной* и *евангельской* истории...

Если то, что в XIX веке принадлежит ему *исключительно* или преимущественно: машины, учителя, профессора и адвокаты, химические лаборатории, *буржуазная* роскошь и *буржуазный* разврат, буржуазная умеренность и буржуазная нравственность, полька *tremblante*⁶, сюртук, цилиндр и панталоны, – так мало вдохновительны для художников, то чего же должно ожидать от искусства тогда, когда по желанию Абу не будут существовать ни цари, ни священники, ни полководцы, ни великие государственные люди... Тогда, конечно, *не будет и художников*.

О чем им петь тогда? И с чего писать картины?..

Книга Абу – книга легкая и поверхностная; но поэтому

⁶ Бабочка (фр.).

самому многолюдной читающей бездарности весьма доступная, и она теперь переведена даже и по-русски.

Поэтому мы и остановились на ней несколько дольше, чем бы она заслуживала при тех серьезных вопросах, которые нас занимают.

Напоследок заметим и еще одно.

Абу посвящает книгу свою г-же Ж. Санд. Преклоняясь перед ее гением, он говорит: «Я сознал, что я уже человек немолодой, великим человеком никогда не буду (еще бы! [А ведь, значит, когда-то надеялся; с лакейским неглиже!]); но я не лишен *здорового смысла* и предназначен собирать крошки, упавшие со столов Рабле и Вольтера».

Г. Абу точно не лишен той мелкой наблюдательности, которая часто свойственна умам ничтожным, и определил верно род своего таланта. Действительно – по легкости и ясности языка, по некоторому довольно веселому остроумию, вообще по духу своему он может несколько напоминать Вольтера и Рабле. Но это сходство только наглядно доказывает упадок французского ума. При Рабле, беспорядочном, грубом и бесстыдном, Франция XVI века *только зацветала*; в XVII и XVIII она цвела и произвела великого разрушителя Вольтера, которого с наслаждением может читать за глубину его остроумия – и враждебный его взглядам (конечно, зрелый) человек, подобно тому как атеист может восхищаться еврейской *поэзией* псалмов. Франция в половине нашего века дала в этом легком роде не более, как Абу! Крупные ли-

тературные продукты Франции XIX века – совсем иного рода. Они известны. Он сам смиренно упоминает в своем предисловии, что Ж. Санд сказала ему: «Вы всегда пропускаете гений сквозь пальцы».

Дальше.

Бокль. Бокль громоздит целую кучу фактов, цитат, познаний, для того чтобы доказать вещь, которую в утеху устаревшему западному уму доказывали прежде его столь многие. Именно, что *разум* восторжествует над всем. (Что же тут оригинального? Разуму *поклонялись* уже в Париже, в XVIII веке.) Он, подобно многим, нападает на всякую положительную религию, на монархическую власть, на аристократию.

Но положим, однако, Бокль прав, утверждая, что в истории человечества законы разума восторжествуют, наконец, над законами физическими и нравственными. Человечество (говорит он вообще о законах физических) видоизменяет природу, природа видоизменяет человека; все события суть естественные последствия этого взаимодействия (с. 15; т. I. Истор. цивилизации в Англии). О законах нравственных он, напротив того, утверждает, что они в течение истории вовсе не изменяются, а изменяются законы (или истины) умственные. (См. с. 133–135 и т. д.)

Итак, по мнению Бокля, изменение в *идеях, во взглядах* людей влечет за собой изменение в их образе жизни, в их личных и социальных отношениях между собой.

По мере открытия и признания разумом новых истин –

изменяется жизнь. «Умственные истины составляют причину развития цивилизации».

Пусть так. Но, во-первых, говоря о *развитии* (т. е. не о самосознании собственно, но об *увеличении разнообразия в гармоническом единстве*), можно остановиться прежде всего перед следующим вопросом: как понимать это слово? И не мог ли бы мыслящий человек нашего времени (*именно нашего*) выбрать себе предметом серьезного исследования такую задачу: *знание и незнание не суть ли равносильные орудия или условия развития?* Про картину развития государства или общества, нации или целого культурного типа (имеющего, как и все живое, свое начало и свой конец) нечего и говорить: до сих пор, по крайней мере, было так, что ко времени наисильнейшего умственного плодоношения разница в степени познаний между согражданами становилась больше прежнего. Конечно, никто не станет спорить, что во времена царя Кодра степень умственной образованности (степень знания) у афинских граждан была равномернее, чем во времена Платона и Софокла. И франко-галлы времен Мерovingов были ровнее в умственном отношении между собой, чем французы во дни Боссюэта и Корнеля. *Незнание дает свои полезные для развития результаты; знание – свои*; вот и все. И не углубляясь далеко, не делая из этой задачи предмет особого серьезного исследования, можно вокруг себя найти этому множество примеров и доказательств. Упомяну только слегка о некоторых. Гёте, например, не мог бы

написать Фауста, если бы он имел меньше познаний; а песни Кольцова были бы, наверное, не так оригинальны, *особенны* и свежи, если бы он не был едва грамотным простолюдином. И опять, если с другой точки зрения взять того же Фауста... Для того чтобы какой бы то ни было художник, хотя бы самый сильный по дарованиям, мог бы изобразить *живой* характер, – разве не нужны ему впечатления *действительной* жизни? Конечно, необходимы. И в наше время, особенно в эпоху *реализма*, кто же станет это отвергать?

Итак, для того чтобы Гёте мог изобразить невежественную и наивную Маргариту, нужно было ему видеть в жизни таких невежественных и наивных девиц. *Незнание*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.